

References

- Beresneva Ye. Uchenye i sotsialnye seti [Scientists and social networks] URL: <https://scientific-crussia.ru/articles/uchenye-i-socialnye-seti> (data accessed: 08.07.17) (in Russian).
- Domnina T. N., Khachko O. A. Nauchnye zhurnaly: kolichestvo, tempy rosta [Scientific journals: quantity, growth rates] // *Informatsionnoe obespechenie nauki: novye tekhnologii* URL: http://www.benran.ru/SEM/Sb_15/sbornik/83.pdf (data accessed: 08.07.17) (in Russian).
- Tatiana Khvatova, Svetlana Dushina and Georgy Nikolaenko (2017) Do the Online Activities of Scientists in Social Professional Networks influence their Academic Achievements? Proceeding of the 13th European Conference on Management, Leadership and Governance, edited by Martin Rich, University of London, pp. 217- 227.
- Zhukova T. I., Tishchenko V. I. (2013). Setevye nauchnye soobshchestva v Runete: Tipologiya i praktika [Networking Scientific Communities in RuNet: Typology and Practice] // *Sotsialnye seti i virtualnye setevye soobshchestva. Sbornik nauchnykh trudov*. M. 360 s. (in Russian).
- Lavrenchuk Ye.A. (2011) Autopoyezis sotsialnykh setey v internet-prostranstve [Autopoiesis of social networks in the Internet space]. Diss. ... kand. filos. n. M. 186 s. URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/autopoyezis-socialnyh-setey-v-internet-prostranstve.html> (data accessed 16.08.2017) (in Russian).
- Mirskaya Ye.Z. (2005) R. K. Merton i etos klassicheskoy nauki [R. K. Merton and the ethos of classical science] // *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov. M.: IF RAN. 341 s. (in Russian).
- Mirskaya Ye.Z. (2010) Novye informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v rossiyskoy akademicheskoy nauke: istoriya i rezultaty [New information and communication technologies in Russian academic science: history and results] // *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. T. 1. № 1 (in Russian).
- Nauchnye sotsialnye seti. Putevoditel po Internet-resursam s opisaniem nauchnykh setey [Scientific social networks. A guide to Internet resources with a description of scientific networks] (po soystoyaniyu na iyun 2017 g. URL: http://lib2.omgtu.ru/resources/files/Nauk_soc_seti.pdf (data accessed: 10.09.17) (in Russian).
- Prise D. Dzh. de S. (1976) Tendentsii v razvitii nauchnoy kommunikatsii — proshloe, nastoyashee, budushchee [Communication in Science: The Ends — Philosophy and Forecast]. Sb.: Kommunikatsiya v sovremennoy nauke. M.: Progress. 438 s. (in Russian).
- Tishchenko V. I., Zhukova T. I., Smirnova N. S. (2013) Issledovanie protsessov kommunikatsii v akademicheskom nauchnom soobshchestve [Research of communication processes in the academic scientific community] // *Sotsialnye seti i virtualnye setevye soobshchestva* [Social networks and virtual networked communities]. Sb. nauchnykh trudov. M. 360 s. (in Russian).
- Noorden Van R. Online Collaboration: Scientists and the Social Network. URL: <http://www.nature.com/news/online-collaboration-scientists-and-the-social-network-1.15711#/reach> (data accessed: 16.08.2017).

НАУКА В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Людмила Альбертовна САБУРОВА

кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Удмуртского филиала
Института философии и права Уральского отделения РАН,
Ижевск, Россия;
e-mail: sabur@udm.ru

УДК 316.35

Выживание или развитие: возможности и риски реформирования академической науки для регионального научного сообщества¹

В статье анализируются проблемы адаптации регионального научного сообщества, связанные с процессами реформирования Российской академии наук. На основе анализа материалов глубинных интервью с руководителями академических институтов, действующих на территории Удмуртской республики, и научными сотрудниками этих институтов определяются основные риски реформирования для регионального академического сообщества, оцениваются возможности его дальнейшего развития. В качестве основных факторов, влияющих в настоящий момент на трансформацию академического сообщества в регионе, автор выделяет постепенный переход к проектному принципу организации научного труда, новую систему оценки научных результатов, изменения в структуре научного лидерства, затянувшуюся неопределенность субъекта запроса на научные исследования. Необходимость адаптации к новым условиям, как подчеркивается в статье, создает высокую степень напряженности, которая усиливается в связи с происходящими структурными изменениями — слиянием отраслевых институтов в единый региональный научный центр. Несмотря на то, что многие руководители и некоторые научные сотрудники оценивают это слияние и его последствия оптимистично, в статье приводятся также мнения научных работников о возможных негативных последствиях такого слияния. К основным рискам для научного регионального сообщества автор, обобщая мнения респондентов, относит риск сокращения межрегиональных и международных научных связей, риск смещения научной тематики к вопросам регионального и прикладного значения, риск повышения зависимости от политических и экономических особенностей региона. Основные возможности развития научного сообщества в регионе связываются с развитием межотраслевых и междисциплинарных связей, рост

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16–13–18005.

символической капитализации внутри региона, усиление уникальных научных направлений и ресурсов. На основании проведенного анализа формулируются условия реализации выявленных возможностей через инструменты государственной политики на уровне региона.

Ключевые слова: регион, научное сообщество, реформа, риски, адаптация, перспективы.

Введение

Реформирование системы академической науки в РФ, являясь, с одной стороны, необходимой мерой, призванной повысить эффективность научной работы и усилить модернизационный потенциал страны, с другой — создает множество рисков. К таким рискам, помимо прочих, можно отнести усиление неравномерности развития научных сообществ в регионах, на которое обращают внимание многие исследователи при анализе развития отечественной науки [см., например, *Андреев, 2006; Ваганов, 2009; Пономарев, 2017*]. В литературе уже накопился достаточный объем данных о конкретных количественных параметрах этой неравномерности, в том числе с использованием количественных наукометрических данных [см., например, *Третьякова, 2014*]. Кроме того, ряд исследований последних лет подтверждают наличие значимых связей между показателями работы региональных научных сообществ и показателями экономического развития территории [*Бурилова, Бородина, 2009*]. Однако подобные описательные данные не позволяют прогнозировать, как будет меняться эта неравномерность в процессе дальнейшего реформирования академической науки. Здесь необходимо углубленное изучение внутренних процессов развития региональных научных сообществ, анализ актуальных и потенциальных ресурсов сообщества с использованием качественных методов.

Методология

Исследование трансформации научного сообщества, проведенное в Удмуртской республике в 2016–2017 гг., основывалось на исходном теоретическом положении о том, что любые внешние по отношению к деятельности ученых трансформации влияют на стратегии и эффективность научной деятельности на уровне конкретного социального сообщества, в изучаемом случае — через стратегии адаптации к изменениям регионального научного сообщества. Этот угол зрения представляется наиболее продуктивным, поскольку процесс реформирования затрагивает не только индивидуальные интересы и профессиональные ожидания каждого конкретного исследователя (как, например, введение наукометрических показателей эффективности работы), но и интересы коллективов и даже регионов (в таких направлениях реформы, как «оптимизация», создание региональных научных центров, смещение финансовых потоков в сторону грантового финансирования). Именно изменения, происходящие с самим региональным сообществом, становятся объектом управленческого контроля и воздействия. И, что еще более важно, региональные сообщества, адаптируясь к этим изменениям с помощью тех или иных стратегий, сами выступают субъектами развития.

Для анализа изменений, происходящих с научным (академическим) региональным сообществом, были проведены полуструктурированные интервью с руководи-

телями академических институтов разного профиля (5 интервью), с руководителями подразделений этих институтов (4 интервью), с научными сотрудниками институтов (5 интервью), а также интервью с представителем органов государственной власти УР. Метод полуструктурированного интервью позволил зафиксировать как объективные тенденции трансформации регионального сообщества, включая изменения в объеме и направленности научной активности, в системе горизонтальных и вертикальных связей, в системе научного лидерства, так и субъективные оценки и ожидания научных работников, руководителей и исследователей по отношению к проводимым в системе академической науки реформам.

Основные результаты

К основным тенденциям развития научного регионального сообщества, выявленным в исследовании можно отнести:

1. Усиление горизонтальных связей: внутрикорпоративных связей, межотраслевых связей внутри региона при сохранении объема межрегиональных и снижении объема международных связей.
2. Постепенный переход к проектному принципу организации деятельности, который в качестве основного следствия имеет снижение конкурентоспособности регионального сообщества по сравнению с центральными (столичными) научными центрами. Но при этом констатируется одновременно и расширение поля коммуникационных и научных возможностей.
3. Трансформация научного лидерства, свойственная и национальному академическому сообществу в целом. Региональная специфика этой трансформации состоит в том, что доминирующей лидерской задачей становится обеспечение сообщества материальными и организационными ресурсами, а научная репутация и научная активность отходят на второй план.

Более подробно эти тенденции подтверждаются и иллюстрируются в предыдущих работах на эту тему [*Сабурова, 2017*]. В контексте же выявления возможностей и рисков реформирования региональной науки наибольший интерес представляют изменяющиеся стратегии поведения ученых, обусловленные характером восприятия изменений. Выявив эти стратегии, можно с большой долей уверенности определять и зоны рисков, и зоны возможностей для развития регионального научного сообщества. И те и другие зоны возникают вокруг точек наибольшей напряженности в работе системы, в нашем случае — в отношении научного сообщества к происходящему реформированию.

Исследование выявило следующие *точки напряженности* в отношении научных работников к реформированию институтов академической науки. Это:

- 1) неопределенность в отношении субъекта запроса на научные исследования (в большей степени волнующая руководителей научных коллективов), в том числе — неопределенность во взаимоотношениях с органами государственной власти и местным бизнесом;
- 2) недостаточная, по мнению ученых, релевантность системы оценки результативности научной деятельности (в большей степени вызывающая вопросы у исследователей, нежели руководителей коллективов);

3) проблемы, связанные с переходом к проектной деятельности, в особенности сложности, связанные с получением грантовой поддержки (касается всех участников научной деятельности — и руководителей, и научных сотрудников).

Эти проблемы выделены из анализа материалов интервью *по объему внимания*, которое респонденты уделяли этим вопросам, и степени эмоциональности высказываний, а также *по критерию наибольшего разнообразия* и рассогласованности интерпретаций между респондентами.

Проблема потери субъекта запроса на научные исследования озвучивалась в разной степени практически всеми руководителями научных коллективов. В основном эта неопределенность, судя по высказываниям, связана, во-первых, с ослаблением вертикальной интеграции научного сообщества, в которой Академия наук, как представитель государства, осуществляла стратегическое планирование и одновременно обеспечивала в достаточной мере ресурсами академические институты. Финансирование исследований при посредничестве научных фондов пока не представляется руководителям субъектным, системным и в достаточной мере рациональным. Регионализация управления научными процессами ставит перед руководителями еще больше вопросов, поскольку реальной заинтересованности в научных исследованиях (особенно фундаментальных) не проявляют ни государственные органы управления в регионе, ни, как будет показано ниже, субъекты бизнеса. Эмоциональные высказывания руководителей на тему отсутствия субъекта целеполагания и внятной постановки задач показывают, что именно в отношении того, чей запрос должна будет реализовывать наука в будущем, и будет ли существовать такой запрос вообще, руководители настроены достаточно пессимистично:

«Я попробовал вести диалог в таком ключе, когда здесь шла работа по организации машиностроительного кластера, и я задавал такие вопросы “эффективным менеджерам”, которые занимаются этим вопросом. Я их спрашивал: “Вы науке задачи можете поставить? Будете вы их ставить?” А они не в состоянии сформулировать задачи для науки, по-настоящему, задачу, которой можно заниматься ну хотя бы лет пять».

«Оптимизма нет, особого нету. Здесь это будет никому не нужно... Думаю, в мелких таких регионах, не очень богатых, где маленькие институты — они будут не востребованы».

«Все было утеряно. Заказчик был утерян».

«Еще раз повторюсь, постановщиков задач нет... Люди, которые позиционируют это направление развития, задачи поставить не могут. Они не понимают, о чем говорят... Это отсутствие, полное отсутствие системного мышления у людей, принимающих концептуальные решения. Систему они не видят и не понимают».

— «Во власти исчезли институты и институции, связанные с постановкой задач. Институты исчезли, поэтому мы получили то, что мы получили — у Академии наук исчез заказчик, главный элемент ее функционирования. И целеполагание было размыто».

Собственно, именно вопрос субъекта «постановки задач для науки» оказался наиболее болезненным для руководителей. Все остальные аспекты проводимой реформы руководителями воспринимаются гораздо более рационально и с большим пониманием, нежели сотрудниками.

«Рядовые» научные сотрудники как раз оценивают реформу во всех ее проявлениях далеко не однозначно. В отличие от руководителей, которые много говорили о цели, смысле, стратегии реформирования, научные работники из всего спектра изменений особенно выделяют три основных процесса — создание ФАНО, внедрение системы ПРНД и слияние отраслевых институтов и филиалов в один научный центр.

Если **создание ФАНО** комментируется нейтрально-умозрительно (почти единодушно — как попытку «*взять под контроль имущественные отношения*»), то восприятие двух других процессов крайне противоречивое.

Что касается **слияния отраслевых институтов**, то основное напряжение связано с самой ситуацией неопределенности будущего, с грядущими переменами и с целесообразностью перемен. Опасения чаще выражаются сотрудниками, нежели руководителями. Хотя руководители также осознают все риски и новые сложности, которые возникнут при слиянии:

«Хочу сказать, что эти вот объединения ни к чему хорошему не приведут. Я бы оставила структуры как есть. Потому что они работают, и работают неплохо. И показатели, на самом деле, хорошие».

«Я вижу опасность. Я слежу за ситуацией, вижу опасность, которая грозит всем региональным институтам, потому что уже есть прецедент, когда региональные институты отправляли на финансирование в регионы».

«Я боюсь опять же, что все это будет сокращаться. Да, у нас сейчас планируется создание новой структуры — Удмуртского... федерального исследовательского центра... Удмуртского научного центра, или там Ижевского научного центра. Но опять же получится, что это будет механическое слияние, сокращение опять же».

«Мы, скорее всего, объединяемся с другими научными институтами... Насколько я владею информацией, планируется создать Федеральный научно-исследовательский центр. И мы будем там, то есть нас объединяют... Наверное, это не очень хорошо. Скорее всего, это повлечет за собой какое-то сокращение штатов. Я не думаю, что технари настолько будут дорожить гуманитариями. Возможно, не сразу, но со временем будет сокращение штатов».

«С одной стороны, звучит красиво и как такой мощный центр, который вбирает в себя все мелкие институты, но есть опасение — не будет ли такого, что те институты, которые меньше всех... будут каким-то балластом...»

С другой стороны, руководители, в отличие от сотрудников, уже сейчас ищут пути и стратегии вхождения своих коллективов в общий научный центр. И в целом, несмотря на осознаваемые и прогнозируемые трудности, к такому слиянию готовы:

«Лично для института я говорю — мы готовы к тому, чтобы перейти в федеральный исследовательский центр. В первую очередь, мы омолодились. У нас молодые кадры. Во вторую очередь... сформулировали те исследования, которые могут принести, уже деятельность вот этого сельскохозяйственного учреждения в рамках федерального центра именно с точки зрения наукометрических показателей».

— «С одной стороны, если посмотреть вот на эту проблему маленьких институтов с государственной позиции, да. Все разумно. Когда мы укрупняем организации, тогда мы можем ожидать более значимых результатов. Все понятно. Но пока вот эта структура притретса...»

Внедрение же **наукометрических оценок** эффективности деятельности ученых создает напряженность иного рода. В комментариях научных сотрудников присутствует иногда полное неприятие системы ПРНД как системы, принуждающей ученых к различного рода ухищрениям и имитациям в ущерб качеству научной работы:

«Всегда найдется человек, который вкрутит себе эти показатели и обойдет два раза. Надо еще думать, как эту систему разрабатывать, внедрять и стоит ли... Я знаю, кто себе приписывает баллы при расчетах... как все эти индексы Хирша накручиваются... всегда найдется человек, который накрутит его себе до 30 или 40 без проблем. И догнать его будет нереально, если по-честному заниматься научной деятельностью».

«С цитируемостью проблемы такие, что бывают у системы, когда она начинает моделировать свои стратегии поведения... Есть куча отработанных методик, как работать на эту цитируемость... методик масса... И когда... эта система только вводилась... это был эффект. Но потом это начало формулировать такие структуры, такие тактики поведения, которые этику наоборот начали давить».

Многие респонденты обращают внимание не на потенциальную несправедливость или даже нечестность системы оценок, а на реальные трудности и противоречия, с которыми им лично приходится сталкиваться в условиях новой системы оценок. Одна из таких трудностей состоит в *несоответствии временных рамок отчетности длительности научных исследовательских проектов*. Во многих науках проведение серьезных исследований, со сбором большого количества данных и последующим их анализом занимает не один год. Но необходимость ежегодной отчетности серьезными публикациями вступает в противоречие с логикой научной работы. Вот как, например, говорит об этом исследователь:

«Нужно понимать, что наука-то — дело такое... мы роемся, ищем, копаемся, изыскиваем новое. На это нужно время и деньги. И каждый год на одну тему писать статьи в определенном количестве, ну это тоже, это, наверное, неправильно. Это — не есть норма. Все-таки когда человек пишет статью, он вкладывает какой-то результат. А он может быть... один год для исследования — это очень мало. Поэтому... да, не согласны с той системой оценки научной деятельности, которая существует, она пришла к нам из Запада, но и эта система уже устаревшая... Скажем, на биологическую тему, вот три года — минимум, чтобы что-то получить в области биологии».

Некоторые респонденты высказывают недоумение по поводу самой системы распределения баллов. В частности, кажется неправильным, что *«монография стоит» меньше, чем статья в рецензируемом журнале*. Некоторые исследователи сожалеют о том, что участие в конференциях перестало рассматриваться в качестве показателя научной активности, что снижает мотивацию для такого участия, и, в конечном счете, сужает возможности контактов и партнерств с исследователями из других регионов и из-за рубежа.

Однако большая часть респондентов выказывает недовольство **требованиями размещения публикаций в рецензируемых изданиях, входящих в системы Scopus и Web of Science**. Основные претензии к этому требованию можно свести к тому, что это *«затратно»* для самих ученых (и институтов), затратно и по времени, и по деньгам — научные сотрудники вынуждены платить за публикации из своих личных средств, в то время как *«надбавки к зарплате за публикационную активность незна-*

чительны». Кроме того, это сложно для российских ученых — публиковаться за рубежом, особенно для гуманитариев, и не только из-за языкового барьера, но и из-за заведомо «предвзятого» отношения западных журналов к результатам российских исследований:

«Наши экономисты за рубежом и наши статьи никому не нужны, там и своих достаточно. Есть страны, в которые их просто не возьмут, просто сразу же отклонят... В некоторых странах предвзятость... Ну и стоимость соответственно, не бесплатно же лицензирование там тоже».

«Я считаю, что это в корне неправильно, потому что, во-первых, нельзя сравнивать технические публикации и, скажем, гуманитарные. Это совершенно разные области, даже в том плане, что технических журналов много, а гуманитарных, которые бы входили в эти базы данных... можно пересчитать по пальцам».

«Единственное что мне реально не понятно — ...это почему у нас такая большая (любовь) к нерусскоязычным, системам цитирования не на русском языке ...Система же наработана была... И зачем эти журналы отодвигать, мне не понятно. Ну, то есть понятно, должны и иностранные использовать, но баланс несколько нарушен».

При этом некоторые респонденты, чаще молодые, указывая на имеющиеся проблемы, все-таки признают, что эта система стимулирует ученых к более эффективному труду:

«Сейчас у нас такие критерии установлены, иностранная статья в 4 раза дороже ценится... Иностранную сделать сложнее на порядок. Там рецензирование еще жестче, чем у нас... Наверное, соглашусь все-таки, что это более эффективно».

«Наверно, я считаю, что эти показатели активизируют людей действительно в плане того, что дается конкретная установка, и у нас уже было прописаны неформальные показатели, которые должны достичь каждый из сотрудников... люди стараются соответствовать этому графику».

То есть, при всех сомнениях и трудностях, **научное сообщество все-таки перестраивает свою работу в соответствии с новыми критериями эффективности и признает, по меньшей мере, дисциплинирующую роль этих критериев**.

Еще одной «точкой напряжения» для научного сообщества выступает постепенный **переход к проектному принципу организации научного труда** — коллективы все больше занимаются, дополнительно к разработке «бюджетной» тематики, поиском грантовой поддержки для фундаментальных исследований и поиском партнеров для проектов прикладного характера. Несмотря на то, что именно появление и развитие проектного подхода к организации научной деятельности создает механизмы дополнительного финансирования, возможности наращивания научных связей, самосохранения и развития регионального научного сообщества, сами ученые далеко не всегда видят его преимущества, а иногда — выказывают критическое отношение к такому подходу:

«Мне более импонирует подход к работе, когда... какие-то в общем-то глобальные вещи, и глубоко прокапываются. Есть возможность... зарыться далеко и надолго. Организовать такую работу в формате проектной деятельности практически невозможно».

«Эти работы... принципиально отличаются от того, что привыкли делать ученые за последние 20 лет. Они привыкли писать статьи, отчеты, и мало из них кто умеет отвечать за конкретный результат... Это разные работы, это разная ответственность... Поэтому коллективы к такого рода гигантским комплексным проектам не готовы».

Обобщая эти и подобные высказывания, можно сделать вывод, что основные риски и ограничения проектного принципа в представлении ученых сводятся к трем основным:

- 1) потеря возможностей глубокой фундаментальной работы над одной темой;
- 2) кадровая и финансовая нестабильность, связанная с ситуациями неопределенности и рисков;
- 3) недостаточная готовность самих ученых к работе в «бизнес-формате», жестко ограничивающем исследователя сроками и конкретными результатами.

Тем не менее, несмотря на некоторые сомнения и опасения в отношении перехода к проектной деятельности, эта тенденция на сегодняшний день **усиливает ресурсы научного регионального сообщества, наращивает его потенциал**. В частности, из интервью с руководителями институтов следует, что доля внебюджетных доходов (которые как раз поступают от грантовых и/или хоздоговорных проектов) составляет от 15 до 45% от всех доходов, что позволяет обеспечивать расходы, как на поддержание функционирования институтов, так и на его развитие, такие, как покупку оборудования, материалов, участие в конференциях и т. д. И сотрудники, и руководители, рассказывая о выполнении тех или иных проектов, часто подчеркивают их полезность и для развития самих ученых (расширение «горизонтов», интересные новые задачи), и для роста контактов и связей в самом сообществе и за его пределами:

«Вот когда у нас был грант РФФИ, мы смогли 9 человек со стороны содержать в течение 3 лет в институте... Международных, российских и местных специалистов».

«Гранты для молодых ученых были очень хорошей вещью. Чтобы молодежь общалась к науке. Вот я выиграла этот проект, у меня было 30 тысяч. Но я была бесконечно рада, тем более это был первый проект. И потом — это же какое-то признание. Даже для чувства уверенности — это уже хорошо».

«Мы же все-таки сельхозники, колхозники, ...нам нужно общество, нам нужно меняться, обмениваться, потому что, если вариться в одних собственных соках... мы селекцию пшеницы бы не сделали, селекцию картофеля в Удмуртии не навели. Поскольку на своих собственных сортах мы просто этого бы не получили. А сегодня благодаря тому, что мы с Севером, и с Белоруссией, и с Кировом работаем, и с Уралом тем же самым. То есть у нас уже сегодня картофель есть в собственной селекции и озимая пшеница».

При этом необходимо отметить, что большинство респондентов, так или иначе, сталкиваются с трудностями получения грантовой поддержки для своих проектов, а некоторые исследователи считают эту систему либо не соответствующей особенностям своей научной отрасли, либо несправедливой, так как в сложившихся условиях она **усугубляет проблему неравенства** в развитии научных сообществ регионов:

«У них ограниченные запросы, и никто не хочет долго ждать, всем нужно быстро. И в основном гранты выигрывают компьютерные технологии какие-то. То, что сел и за две недели, два месяца, и все хорошо. А у нас проекты длительные».

«Минусы — для того, чтобы выигрывать гранты по новым темам, уже нужны разработки».

«Гранты плохо выигрываются сотрудниками... Я наблюдаю этот процесс несколько лет уже, а поскольку за эти несколько лет квалификация наших сотрудников, как была, так и осталась, она... уж конечно, не падает. И я обратил внимание, что это никак не коррелирует с их квалификацией и их потребностями. Это коррелирует только с одним вопросом, насколько “коррелирует” бюджет Российской Федерации. Бюджет наполнен — тучные годы грантов, много получаем. Бюджет начинает скукоживаться — наши гранты падают... Идея глубоко порочная, мое глубокое убеждение. Это попытка заменить базовое финансирование грантами».

«Вы ведь знаете, что сейчас эти веб-оф-сайны, скопусы и прочее, прочее, если у тебя их нет по тематике, по которой ты собираешься послать заявку, то опять же... По формальным признакам просто не проходишь».

«Понятно, что тебе дают проект под имя, под то, как ты оформил, сформулировал фразы... Ну еще там, конечно, и везение... Например, проект РФФИ, который мы делали в прошлом году. Мы делали исследование так, чтобы проводить и здесь, в Удмуртии, и параллельно в Нижнем Новгороде, чтобы у нас получилась такая параллель... и сравнить... оба эксперта дают положительное заключение. Но проект не поддержан. Просто — нет. На этом все. Нет».

«Ну возникает в чем проблема: у нас куча государственных фондов... как бы иницируется, имитируется конкуренция... Но многие фонды, они не выдают вообще в открытую оценки даже своих. То есть они решают, кому дать, кому не дать, и экспертные оценки закрыты... Если у вас есть тематика, которой занимаются 2 лаборатории на всей стране, получается что 1 лаборатория подает гранты, другая ее проверяет... экономика с этикой трудовой начинают соперничать, эта система чревата тем, что работать будет хуже».

И тем не менее большинство опрошенных научных сотрудников и руководителей все-таки регулярно подают заявки на гранты, иногда их выигрывают, и, так или иначе, **наращивают эту форму активности**, приобретая опыт, как негативный, так и позитивный:

«Эти проекты тоже являются показателем твоей значимости, твоего веса в научной среде. И той проблематики, которая интересна другим людям. Что ты из себя представляешь. И какие мысли ты формулируешь».

«У нас идет ежегодно 2–3 проекта... Если вот говорить по нашей тематике... То есть вот я... у меня на этот год, например, 2 проекта... В целом по отделу у нас проектов 5 или 6».

«Перспектива сегодня складывается очень простая. Государство в конечном итоге сведет к минимуму финансирование всех этих программ (бюджетных. — Л.С.)... Нас толкают и подводят к тому, что будет в принципе своем комплексное и венчурное финансирование научных исследований. И если мы сегодня не создадим вот эту... амбициозность, то все...»

«В последние годы заметно активизировалась подача заявок на различные гранты и, что приятно — в прошлом году у нас было много выигранных грантов, где-то 5 или 6 или больше даже. Как правило, столько не подтверждалось, то есть в один год бывало так, что один, два подтвердят и уже хорошо...»

И в этом смысле, так же, как и трансформация взглядов на эффективность научной работы, грантовая система финансирования научной работы, имея определенные риски, содержит и новые возможности для региональной науки, но, безусловно, при наличии ряда условий, о которых речь пойдет ниже.

Собственно, реформа академической науки, как любая реформа, ломает некоторые привычные форматы профессиональной жизни. Как показывают материалы интервью, эти изменения затрагивают всех научных сотрудников, но кого-то — в большей степени, кого-то — в меньшей, кто-то более успешно приспособливает свою профессиональную деятельность к новым реалиям и требованиям, кто-то — меньше. Но поскольку, как уже отмечалось, успешность и результативность реформирования науки в регионе зависит не от индивидуальных позиций ученых, а от позиции сообщества, от его готовности и способности развиваться в жестких условиях реформирования, важно понимать, какие риски и какие возможности представители сообщества видят не для себя лично, а для перспектив развития академической науки в регионе, и с чем конкретно они связывают эти новые риски и новые возможности.

К числу *основных рисков реформирования для регионального научного сообщества*, выявленных в ходе исследования, можно отнести следующие.

1. Регионализация научного сообщества, понимаемая как **изоляция** от национальных и международных научных сообществ, потеря тезауруса и инновационного потенциала. Это прямо вытекает из того, что если на сегодняшний день научные коллективы финансируются и вертикально, в рамках национальных научных приоритетов (через бюджет и центральные фонды), и горизонтально (через хозяйственную работу внутри региона и местные гранты), то объединение в единый территориальный центр может привести к резкому сужению, регионализации самой научной тематики и отрыву от сотрудничества с другими регионами и «столичной» наукой. Предпосылки для подобной регионализации уже существуют, поскольку многие институты традиционно специализируются на местной тематике и иногда «выживают» за счет местных заказов и проектов.

«У нас институт-то региональный, он в системе Академии наук позиционируется как региональный институт. И вся тематика, которая идет от отделения Академии наук Москвы, она там несколько ранжируется. Вот московский институт экономики — глобальные вопросы. Вопросы общие, экономического развития, а у нас частные вопросы».

«Процесс реформирования, идея создания крупных научных центров? Как это может повлиять? Ну, ограничить в тематике исследования, по-другому никак».

«Вопрос безумно сложный, потому что провести четкую грань между вопросом местного значения, назовем это так, и вопросами фундаментальных знаний очень сложно. В любом малом всегда пытаешься увидеть большое. Это один из главных принципов науки. Можно заняться завязыванием левого башмака, а в результате получается, какая-нибудь всеобъемлющая теория, но чтобы это делать, надо быть гением науки... К сожалению, как правило, получается завязывание левого башмака, ради завязывания левого башмака».

2. Снижение кадрового потенциала, профессиональной мобильности, невозможность воспроизводства кадров и научных лидеров в традиционном понимании. Уже на сегодняшний день в регионе фиксируется весьма низкий уровень академической мобильности в сравнении с научными сообществами центральных городов (Души-

на, 2011). Естественное старение коллективов на фоне закрытия советов по защите, сворачивание программ поддержки молодых ученых, уменьшение возможностей ездить на конференции в другие регионы — основные факторы, которые определяют этот главный риск потери кадрового потенциала.

«К сожалению, по нашей специальности здесь нет возможности защищаться, здесь есть только историческая аспирантура, история, археология, этнография и фольклор. По языкознанию у нас нет возможности, потому что, в частности, нет доктора, который мог бы брать аспирантов».

«Есть определенный апокалиптический мотив такой, что что-то случится, что — непонятно, но как бы придется на месте соображать... да, переезжают. Переезжают в Екатеринбург, Казань».

«Очень редко, когда можно сказать, что какая-то научная миграция происходит, тем более в гуманитарной сфере... люди, как правило, приходят молодыми учеными и выходят седобородыми старцами из института... Мобильность крайне невысокая, и мобильность исключительно... вертикальная, от младшего научного сотрудника к ведущему, ну кому сильно повезет — до главного дорасти к 70 годам».

3. Усиление зависимости от позиции и ресурсов региональных властей и местного бизнеса. На сегодняшний день ученые часто констатируют слабую заинтересованность власти, особенно — региональной, в научном сообществе. Некоторые респонденты фиксируют либо снижение заинтересованности, либо поверхностную, *декоративную*, заинтересованность. Это касается не только интереса к научным разработкам со стороны органов государственной власти, но и заказов со стороны местных предприятий. Важно, что, комментируя эту слабую заинтересованность, респонденты сравнивают ситуацию в Удмуртии с ситуацией в соседних регионах, где ресурс связи с органами государственного управления и бизнесом значительно выше:

«Вот все программы, которые разработаны в республике, до последней... это все у нас сделано. Делали мы, конечно, не бескорыстно, но в последнее время все меньше, меньше, меньше...»

«Я им нужен для отчетности, как флаг...»

«Если Пермский край выделяет на поддержку своей науки в год порядка 100 млн рублей, то Удмуртия выделяет на поддержку науки своей 6 млн рублей в год».

«Наука должна занимать достаточно активную позицию. Но вот тот вопрос для меня очень сложный, потому что я не очень понимаю, почему с таким, с такой настойчивостью предприятия как бы не очень заинтересованы вот в таком взаимодействии. Оно есть, такое фрагментарное, на не очень большие суммы: ну «вот у нас деталька стала плохо че-то там, вот проверьте, вот дам 20 тысяч и ни в чем себе не отказывайте».

«В рамках лаборатории существовало 2 мощные группы, которые очень хорошо... финансово обеспечены договорами. Это больше связано с аппаратурой либо испытаниями... Но в последнее время что-то все как-то спало, но это проблема больше в заказчиках, то есть они готовы бы заказать эти работы, но у них у самих нет денег».

«Вот еще обидно, что наше государство не заинтересовано в использовании разработок... Они в нас не заинтересованы... мы смотрим, как работают башкиры, как работают татары. У них совершенно другие взаимоотношения. А у нас какая-то ментальность странная. Не знаю, с чем она связана».

«У нас получилась такая интересная переписка с нашим правительством и местными органами управления, то есть и бизнес-план был написан, и все замечательно. Нам сказали: “Ой, ребята, какие вы молодцы, как все здорово. Но есть бизнес, давайте мы вашу работу отправим, то есть ищите бизнес. Отправим в бизнес, пускай вашу разработку бизнес и продвигают”. Теперь люди бизнеса говорят: “Ой, ребята, какие вы молодцы, как все здорово. Ребята, но у вас разработка имеет стратегическое значение, то есть вам напрямую к правительству... Круг замкнулся».

«Я ходил тут по кластерам было заседание... Я пожалел, что туда сходил... Там был совет некий кластерный — представители бизнеса, науки и министерства экономики... У физиков были здравые идеи, они действительно задавали конкретные вопросы касательно того, как они могут в этом участвовать и что могут предложить. Но им ответы на эти вопросы так никто и не дал».

«В мелких таких регионах, не очень богатых, где маленькие институты — они будут невостребованы. В Свердловске да, большой, останется. А мелкие, ну если только какой-то сектор, может быть, действительно, в каком-то крупном институте, экономическую составляющую какую-то этих исследований. А так, скорее всего, нет, не будут. Ну ладно, Пермский филиал. Пермь город большой... Масштаб экономики имеет значение».

4. Усиление внутренней конкуренции, которая может помешать объединению ресурсов. Респонденты имели в виду конкуренцию как между лидерами, так и между науками и группами наук, поглощение мелких отделов и филиалов крупными институтами:

«Мы пытались объединить все эти биологические базы в одну, но в свое время не получилось, то есть руководство — каждый тянет на себя одеяло. А вот мы, заинтересованные люди, фактически исполнители этих тем, оказываемся заложниками ситуации».

«А с нашим институтом... какие могут быть перспективы, когда сливают физиков и лириков... Что в этом хорошего может быть? Там ничего хорошего не будет, потому что лирики всегда будут проигрывать, особенно при нынешних критериях».

«И сокращение за счет гуманитариев, прежде всего, которые не могут выдать в таком количестве цитируемость... Потому что физикам проще это делать, механикам там, прочим математикам. И боюсь, что в том числе будет и это происходить... Но если надо будет, от нас могут избавиться достаточно безболезненно».

5. Снижение и без того неудовлетворительного объема государственного финансирования, которое может привести к дальнейшему снижению материально-технической базы и, в целом — конкурентоспособности науки и экономики региона. Некоторые научные сотрудники пессимистично оценивают перспективы развития науки в регионе, и свои перспективы — в частности:

«Науки у нас сейчас нет, потому что мы не наукой занимаемся, а ищем, где поработать, чтобы чего-то там какую-то дырочку заткнуть, чтобы набрать материал хотя бы на какую-то статью, вот это неправильно».

«Региональная наука, если ее поставить в одни условия с центральными институтами и академией, мы не жизнеспособны, а, извините, кто будет делать науку региональную, ну вот историческую в частности. Кто этим будет заниматься? Москва что ли будет заниматься или Питер? Они плевали».

«Это снижает финансирование, прежде всего, а снижение потенциала — это всего лишь следствие. А региональные институты, научные, помимо добывания нового знания... это своеобразный уровень, на котором находится мысль. Не только института, но и руководителей регионов. Вот ту “подкормку” уровня, если ее убрать, то это еще некоторое время будет существовать, но неминуемо рухнет... То есть получается в целом интеллектуальный потенциал региона уменьшается... это однозначно совершенно».

«Для каждого региона, говорится — повышайте свою конкурентоспособность, но ведь это в каком-то плане абсурд, потому что мы, прежде всего, конкурируем друг с другом. ... Вот Удмуртия не дотянула... и ее оштрафовали. Но ведь от этого станет только меньше конкурентоспособных. А Татарстан, станет еще конкурентоспособней».

«Кто больше получает, тому дадим еще больше. И поэтому там настроение-то оптимистичней... Поэтому — рабочие места, есть, где жить, атмосфера, ну и зарплата там побольше, возможности получить грантов побольше».

«Когда власть видит, что за счет науки она регион свой продвигает, и проталкивает, и развивает. Вот... Татарстан взять, Башкирию ту же самую... За счет этого регион будет развиваться. А если ты будешь кончать все это... то какой у тебя потенциал развития-то? У тебя нет потенциала».

С другой стороны, реформы, загоняя научное сообщество в довольно жесткие рамки *на грани выживания*, именно в точках напряженности, создают и **возможности развития**. В частности, подготовка к слиянию институтов в рамках единого регионального исследовательского центра уже сейчас приводит к поиску и обнаружению новых тем, требующих внедрение **междисциплинарных подходов**. Новые темы, взаимодействие в рамках междисциплинарных проектов уже сейчас работают на повышение научной мотивации и взаимной заинтересованности. В большей степени оптимистично в этом аспекте высказываются руководители профильных институтов, находя в слиянии новые перспективы:

«Мы... сегодня сформулировали 5 основных направлений: в растениеводстве, ветеринарии, экологии, пчеловодстве... Вот это будущее. Мы с этими 5 программами, направлениями, входим в федеральный центр... Мы вошли, мы им подсказали, где мы можем участвовать в их исследованиях, то есть где мы просим от них помощи, в первую очередь лабораторной базы... У них математические аппараты мощные, аналитика. У нас хорошие руки, у нас хорошая материальная база с точки зрения территории, площади и все прочее. И вот в этом отношении мы друг друга очень здорово дополняем».

«Ну, у нас надежды больше. Да, потому что... у нас сейчас появились какие-то интересы, междисциплинарные темы. Вот механики на нас вышли. У них есть какие-то разработки, и им нужны исследования биологической направленности... Мы имеем возможность провести такие исследования в области воды, микробиологии воды, биохимии воды... Вот эти направления, они более фундаментальные, потому что мы в своих, скажем так, прикладных “засиделись”. Мы ждем что-то новое и интересное».

«Да, какое-то движение. Им тоже это интересно, потому что они в своих же железках (смеется) тоже застряли уже немножечко. Так что мы общаемся. Статьи общие... У нас в прошлом году статья уже вышла по воде. Грант выигран совместный... Они подавали грант, а... мы поучаствовали. Вот. Так что в этом плане очень интересно. Ну, и потом сейчас на стыке — медицинская наука и физика, механика. Это же очень много перспектив сулит. Это такое вот сообщество».

«У нас ведь сильные и математики, и которые информационной технологией занимаются, и материаловеды, и наномеханики, и нанотехнологи, которые со своей стороны

такие иногда вопросы зададут... И вопросы здесь вот как раз возникает на стыке многих направлений, правильное решение... Это, в общем-то, довольно большой плюс, я бы так сказал».

Еще одна возможность, которая потенциально возникает в результате слияния институтов, концентрации ресурсов — **рост символической и финансовой капитализации научного сообщества**. Этот рост многими руководителями видится как единственный путь выживания. Наука в регионе встала перед выбором — либо осуществлять и, соответственно, отчетливо артикулировать *миссию* научного сообщества в регионе, либо остаться в стороне от финансовых, экономических, политических процессов. Эта *миссия*, по мнению ученых, как руководителей, так и рядовых научных сотрудников, должна быть реализована во всей полноте социальных функций науки — и в участии в контрактной деятельности, и в выполнении экспертных функций:

«Хотелось бы, чтобы на этой территории наука стала драйвером развития. Других вариантов на этой территории у удмуртов нет».

«Много лет же мы... входим в экспертно-консультативный совет при Министерстве национальной политики, но в последние годы нас не очень привлекают в этот совет. Но тем не менее, когда встает вопрос об экспертизе региональных законов, связанных с реализацией Государственной политики, нас привлекают... И у нас сейчас по распределенному научному центру по этой программе одна из задач — разработка предложений и рекомендаций органам власти, без этого никак... Наверное, ценность нашей работы вот как раз и в этом тоже».

«Это очень высокая роль... что в отношениях с органами государственной власти, что в научной среде... Когда ты являешься членом общественно-консультационного совета, можешь подойти, переговорить, тебе там информацию дадут, скажут. Конечно, это очень много значит».

Если процесс символической капитализации будет происходить достаточно быстрыми темпами, то это усилит возможности сотрудничества не только с органами власти, но и с региональным бизнесом. Предпосылки для роста сотрудничества существуют. Уже сегодня некоторые институты работают с бизнесом на постоянной основе. А укрупнение исследовательских ресурсов и усиление репутации, как основы символического капитала региональной науки, создаст условия для вовлечения в этот процесс тех институтов и лабораторий, которые на сегодняшний день не имеют такого стабильного сотрудничества. Ниже приводятся примеры уже имеющих фактов работы на региональный бизнес, а также описание трудностей в выстраивании взаимовыгодных партнерств.

«У нас долгосрочные есть темы с очень многими хозяйствами... В основном на договорных основах с этими хозяйствами. В этих хозяйствах мы проводим экспериментальные исследования... Мы, конечно, пользуемся этим моментом, что у людей есть проблема... Мы заключаем с институтом договор о научном сопровождении, то есть мы решаем их проблемы, а они нам дают возможность провести какие-то эксперименты на их территории».

«По научной деятельности... сотрудничаем с “Удмуртнефтью”, “Газпромом”... У нас... доктор, он почвовед сам, агрохимик, и он в рамках вот этих экологических проблем занимается как раз рекультивацией, восстановлением плодородия почвы. Для нефтяников и газовиков».

Обозначенные возможности могут реализоваться, а риски — минимизироваться лишь в условиях целенаправленной государственной и региональной политики в отношении науки.

В частности, уже сейчас необходимо позаботиться о **механизмах наращивания кадрового и интеллектуального потенциала**. Во-первых — это должны быть механизмы поддержки молодежных научных проектов.

Во-вторых, региону необходимо создавать **внедренческие и продвигающие институты**, которые могли бы осуществлять задачи усиления горизонтальной межрегиональной и международной интеграции, а также усиление интеграции с региональной и национальной экономикой. Необходимо создавать систему, обеспечивающую устойчивую востребованность научных разработок в реальной экономике. Вот как, например, характеризуют ситуацию отсутствия такой системы сами ученые:

«Разработка готова для того, чтобы ее тиражировать... Но я считаю, что мы не должны, то есть Академия наук не должна этим заниматься. Я в этом абсолютно уверен. Может быть, вот, в рамках этого нового центра, да, если будет какое-то внедренческое подразделение, и... можно передать эту разработку. А если говорить о лаборатории и об отделе, это далеко не единственная разработка, которая готова. Но заниматься тиражированием, производством аппаратуры, там я не знаю... Мы должны подготовить это все, дальше должны работать производственники — это все разные люди. Это разные специальности. Сапоги должен тачать сапожник».

Кроме создания внедренческих механизмов, во избежание риска окончательной регионализации и изоляции уже сейчас необходимо продумывать дополнительные **механизмы поощрения и поддержки развития межрегиональных и международных связей**:

«Мне кажется, что очень хорошим моментом являются какие-то межрегиональные консорциумы... Мне очень в свое время понравилась мысль директора Института философии, и права она была, о создании Института изучения Евразии — объединить этнографическую тематику, правовую тематику, философскую... И получается, что вот такой ареал исследования у тебя».

Укрепление системы горизонтальных связей подразумевает не только межрегиональное взаимодействие, но и межотраслевое. Как уже упоминалось, слияние отраслевых институтов создает возможность большей межотраслевой и междисциплинарной интеграции. Насколько эту возможность удастся реализовать, будет зависеть от позиции и усилий руководителей новой исследовательской структуры. Важно, чтобы межотраслевые проекты обозначались в качестве приоритетных. В том числе важна всемерная поддержка уже сложившихся научных партнерств, например таких:

«Сами по себе эти... новые математические методы, новые компьютерные методы, новая аппаратура, какие-то геофизические методики — это все попадает в бюджетную тематику, то есть в направления работы лаборатории. Археологии, как Вы понимаете, там не существует, потому что у нас все-таки физико-технический институт. Ну, этот блок работ у нас в тесном взаимодействии с Институтом языка и литературы, и это в основном для нашей лаборатории как грантовая деятельность».

И еще один важный момент, на который обращают внимание руководители научных учреждений, связан с более активной ролью органов государственной власти на территории республики в развитии научного потенциала, в том числе — во благо самого региона. Важнейшим вектором государственной политики в регионе, по мнению ученых, должен стать **запуск рыночных механизмов** в управлении региональной наукой:

«Вот она (власть. — Л.С.) для этого нам нужна. Она для этого должна выпускать соответствующие нормативно-правовые акты... чтобы у них в госзакупках такая-то доля была на инновационную продукцию... Она должна выпустить нормативные акты наши, удмуртские, о том, что наши резиденты должны в госзакупках иметь не менее такой-то доли новой инновационной продукции, тем самым открывая возможности в том числе и для нас. Это раз. Должны быть рыночные инструменты управления. Второе — она должна говорить, например, что ты освобождаешься от налога на прибыль, если ты такую-то долю от своей прибыли пускаешь на НИР, НИОКРы. То есть у власти всегда есть инструменты правовые на то, чтобы запустить рыночные механизмы. Если власть этого не делает, а просто просит отчетность, то это одна ситуация. Если власть понимает, как управлять рыночными инструментами, то тогда мы встраиваемся сюда, тогда и инвестор начинает понимать».

Но, прежде всего, до реализации любых проектов и программ по реформированию академической науки в регионе, необходимо **описать и оценить имеющиеся ресурсы регионального научного сообщества**. Речь не идет о формальном учете научных кадров, или об объеме научных работ, или о наукометрической оценке эффективности научного сообщества. Оценка ресурсов сообщества предполагает выявление, во-первых, его уникального потенциала (уникальной тематики, уникальных специалистов, уникальных достижений и разработки); во-вторых — оценку объема и интенсивности горизонтальных научных связей в сообществе, как внутренних, так и внешних; в-третьих — выявление лидерского потенциала (как в традиционном понимании научного лидерства, так и в современном).

А о том, что уникальный потенциал есть, и пока не потерян, свидетельствуют материалы проведенных интервью. Ниже приводятся некоторые примеры описания этого потенциала.

«Даже у нас региональный маленький институт... У нас прекрасные есть сотрудники, с прекрасными публикациями в солидных журналах. Больше того, они периодически ездят читать лекции за рубеж».

«Есть и методики, и люди, которые востребованы Москвой. Мы не находимся ниже среднего уровня... мы вполне нормальные даже по меркам России».

«В целом, поскольку я этой тематикой занимаюсь и сейчас последние полгода делаю обзоры, по всему миру смотрю, что... сделано, ну я в принципе вижу, что есть вещи у нас, которые не были сделаны в мире, не опубликованы».

«Если у тебя будет Центр такой, и вся Россия будет знать, что ты занимаешься такими диаспоральными проблемами, да ты еще и за границу будешь выходить, то надо это так давай-давай делай!»

Инструментом подобной ревизии научного потенциала региона может быть создание **региональной базы данных**, включающей как данные о самих ученых и их

разработках, так и данные об имеющихся научных партнерствах, фундаментальных и прикладных проектах и интересах. Наличие обобщенной региональной базы данных и включение отдельных ее компонентов в национальные и глобальные научные сети позволит региональному сообществу избежать рисков изоляции, сохранить и расширить потенциал за счет развития как научных, так и социальных связей.

Литература

- Андреев Ю. Н.* Научно-инновационные комплексы регионов как ресурс развития // Высшее образование в России. 2006. № 2. С. 76–87.
- Бурылова Л. Г., Бородин М. А.* Особенности российских регионов по степени взаимосвязи науки и экономического развития // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 2 (2). С. 42–51.
- Ваганов А. Г.* «Одноробая» наука: о некоторых закономерностях регионального распределения научного потенциала в России // Наука в условиях глобализации. М.: Логос, 2009. С. 345–370.
- Душина С. А.* Новые формы организации науки: роль мобильности // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 2. С. 69–91.
- Ефременко Д. В.* Глас эксперта, вопиющего в пустыне: реформа РАН и ее последствия в оценках представителей российского научного сообщества // Социологический ежегодник. 2014. № 1. С. 291–311.
- Леонов А. К.* Региональные особенности современной российской науки как социального института // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 3. С. 146–156.
- Пономарев А. М.* Наука в российском регионе в контексте глобализации: к постановке проблемы // XX Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 187–198.
- Сабурова Л. А.* Региональные научные сети: ресурсы вертикальной и горизонтальной интеграции // Наука Удмуртии. 2017. № 2 (80). С. 52–61.
- Третьякова О. В.* Современные инструменты оценки научного потенциала территории: наукометрический подход // Проблемы развития территории. 2014. № 4 (72). С. 7–16.
- Филиппова Т. П.* Региональный академический центр в ракурсе реформ // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 1. С. 24–29.

Survival or development: the opportunities and risks in the Reforms of academic science for the regional scientific community

LYUDMILA A. SABUROVA

Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law,
the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia;
e-mail: sabur@udm.ru

Abstract: The article analyzes the problems of adaptation of the regional scientific community related to reforming the Russian Academy of Sciences. Based on the analysis of the materials of in-depth interviews with managers and researchers in regional academic institutes in the Udmurt Republic the

main risks of reform for the regional academic community are determined, and the possibilities for its further development are assessed. As the main factors influencing the transformation of the academic community, the author points out the gradual transition to the project approach in scientific work, the new system for assessing results, an uncertainty of the subject of the request for scientific research. The need to adapt to new conditions creates a high degree of tension, especially in connection with the ongoing structural changes — the merge of branch institutes into the regional scientific center. Many managers assess this merger and its consequences optimistically, but the article also contains the opinions of scientific workers about possible negative consequences. The author identifies the following risks for the scientific regional community: the risk of reducing interregional and international scientific ties, the risk of reducing the scientific subject to issues of regional and applied importance, the risk of increasing dependence on the political and economic characteristics of the region. The main opportunities are associated with the development of intersectoral and interdisciplinary ties, the growth of symbolic capitalization within the region, the strengthening of unique scientific directions and resources. The conditions were formulated for implementing the identified opportunities through region policy instruments.

Keywords: region, scientific community, reform, risks, adaptation, prospects.

References

Andreev Yu.N. (2006) Nauchno-innovatsionnyye kompleksy regionov kak resurs razvitiya [Scientific and innovative complexes of regions as a resource for development] // *Vyshee obrazovaniye v Rossii* [Higher education in Russia]. 2006. № 2. S. 76–87 (in Russian).

Burylova L. G., Borodina M. A. (2009) Osobennosti rossiyskikh regionov po stepeni vzaimosvyazi nauki i ekonomicheskogo razvitiya [Features of Russian regions in terms of the degree of interrelation between science and economic development] // *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. 2009. Vyp. 2 (2). S. 42–51 (in Russian).

Vaganov A. G. (2009) “Odnogorbaya” nauka: o nekotorykh zakonomernostyakh regional’nogo raspredeleniya nauchnogo potentsiala v Rossii [“Single-horned” science: about some regularities of regional distribution of scientific potential in Russia] // *Nauka v usloviyakh globalizatsii* [Science in the conditions of globalization]. M.: Logos, 2009. S. 345–370 (in Russian).

Dushina S. A. (2011) Novye formy organizatsii nauki: rol’ mobil’nosti [New forms of organization of science] // *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 2011. T. 2. № 2. S. 69–91 (in Russian).

Efremenko D. V. (2014) Glas eksperta, vopiyuchshego v pustyne: reforma RAN i eyo posledstviya v otsenkakh predstaviteley rossiyskogo nauchnogo soobshchestva [The voice of an expert crying in the desert: the RAS reform and its consequences in the assessments of representatives of the Russian scientific community] // *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Sociological Yearbook]. 2014. № 1. S. 291–311 (in Russian).

Leonov A. K. (2014) Regional’nye osobennosti sovremennoy nauki kak sotsial’nogo instituta [Regional features of modern Russian science as a social institution] // *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. 2014. T. 5. № 3. S. 146–156 (in Russian).

Ponomaryev A. M. (2017) Nauka v rossiyskom regione v kontekste globalizatsii: k postanovke problemy [Science in the Russian region in the context of globalization: the formulation of the problem] // *XX Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati professor L. N. Kogana “Kul’tura, lichnost’, obshchestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya”* [XX International Conference in memory of Professor L. N. Kogan “Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research”], March 16–18, 2017, Yekaterinburg, — Yekaterinburg: UrFU, 2017. S. 187–198 (in Russian).

Saburova L. A. (2017) Regional’nyye nauchnyye seti: resursy vertikal’noy i gorizontal’noy integratsii [Regional scientific networks: resources of vertical and horizontal integration]. In *Nauka Udmurtii* [Science of Udmurtia]. 2017. № 2 (80). S. 52–61 (in Russian).

Tret’yakova O.V. (2014) Sovremennyye instrumenty otsenki nauchnogo potentsiala territorii: nauko-metricheskii podkhod [Modern tools for assessing the scientific potential of the territory: scientometric approach] // *Problema razvitiya territorii* [Problems of territory development], 2014. № 4 (72). S. 7–16 (in Russian).

Filippova T. P. (2016) Regional’nyy akademicheskii tsentr v rakurse reform [Regional Academic Center in the View of Reforms] // *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2016. Vol. 86. № 1. S. 24–29 (in Russian).